

Вопросы остались

С.С. Сулакишин, доктор физико-математических наук, доктор политических наук

Хотел бы вначале заявить протест: «турбулентность мира» для моего физико-математического здоровья — это слишком тяжело. Турбулентность — это строгий математический показатель в гидродинамике, который характеризует меру отличия от ламинарного потока. Причем тут турбулентность? Равно как энтропия и еще что-нибудь. У нас же не кружок художественного метафорического чтения, мы все-таки ищем научные истины и пытаемся применить к ним строгий научный подход.

Я специально обострил ваше внимание, потому что, на самом деле, я сегодня рад за наш семинар. Он все время переключается сам с собой. Одно из первых заседаний заставляло нас проникнуть в строгую рефлексию относительно того, что есть гуманитарная наука. Чем мы, гуманитарии, занимаемся и что мы на выходе должны были бы получать? Сегодняшний семинар переключается с будущей темой «Россия и Запад: что нас разделяет?» и нащупывает подходы к этой проблематике. Мы идем в некотором смысловом коридоре, в конце которого — новый интеллектуальный продукт.

Что произошло сегодня? По-моему, классический случай, когда докладчик представил очень интересную модель, сформулировал свою аргументацию, ответил на вопросы, ЧТО (в чем предмет), ПОЧЕМУ (каковы связи, критерии) и ЧТО с ним БУДЕТ (риски и угрозы)? Но это одна координата в научном познании, которая связана собственно с познанием как упорядочиванием сведений и применением некоторых поня-

тийных модельных способов этого упорядочивания. Но по второй координате доклад не определен, он висит в воздухе, и сегодня об этом много раз говорили. Вторая координата — это вопросы, кто, что и, главное, как должен делать в связи с поднятой темой, зачем все это говорится. Деятельностная часть не сформулирована и не присутствует. На мой уточняющий вопрос, что же за исследовательская задача ставилась, я ожидал услышать именно эту деятельностную, проектную компоненту, а ответ свелся к тому, что доклад — это описание некоторого феномена. В принципе, кто запретил автору в бесконечном море смысловых подходов к цивилизации выбрать свою ячейку и в ней сформулировать свой доклад? Вот он заявил: восточная и христианская. Здесь есть географический признак и религиозный признак; докладчиком дан еще некоторый аморфный признак множественности с размытыми границами — это общность. А почему так нельзя? Можно. Можно к идентификации предмета добавить еще личность, хозяйственные системы, традиции, ментальность как национально-психологический личностный конструкт, еще что-то. Получится некий другой предмет, о чем также интересно будет разговаривать. Но возникает вопрос: зачем так безотносительно разговаривать? Что из этого разговора вытекает в активном деятельностном пространстве?

Тут мы подходим к еще одному слову, и у меня уже не протест, а предложение. Это слово — «проект». Прозвучали: «проект модернисти», «исчерпанность проекта модернисти или проекта модерн». Но проект как активная деятельностная категория всегда субъектен. Кто субъект в данном проекте? Кто эту проектную деятельность осуществляет? Кто ее планирует? Проект всегда целеположен. Кто при этом цели положил и контролирует, управляет? Демиург? Всевышний? Может быть. Но тогда давайте так и скажем: это проект — не наш земной, человеческий, это некий проект верхнего порядка.

На самом деле, конечно же, и модерн, и модернисти, и тот контекст восточнохристианской общности, о которой се-

годня докладчик рассказывал, — это такая дескриптивная, апостериорная классификация моделей, не более того. Разных моделей может быть миллион. С исходными критериями, признаками, которые мы для себя положили в этом исследовании. Но проект напрашивается как деятельностная категория. Мы его ищем, ждем, но в докладе совсем ничего не прозвучало, хотя очень хотелось бы.

Несколько замечаний уже в этом плане. Даже если восточнохристианская цивилизационная общность надумана, как кому-то показалось, что я не разделяю, — она предложена в таком контексте, что методом от противного, вычитания из целого нецелого мы можем увидеть ее некоторый визави. Это западная, атлантистская и тоже христианская цивилизация, которая восточнохристианской общности свои вердикты выносила не раз. 60 лет назад — в газовых печах Освенцима, 30 лет назад — словами Маргарет Тэтчер о том, что хватит 50 млн человек, чтобы нефть и газ добывать, кормить Запад, чем мы сегодня и занимаемся. Эту восточнохристианскую общность видят те, у кого как раз есть проект.

Проектов в современном мире существует много. Давайте посмотрим, какие. Есть ли Россия-проект на сегодня? Очень сомнительно, она едва выживает. Есть ли Европа — проект? В общем, есть, хотя Европа не консолидирована. Есть ли Китай-проект? Безусловно. Ему уже 5000 лет и еще столько же будет впереди. Тихий, спокойный, но абсолютно уверенный. Главный же проект сейчас — это США и альянс. Вот у этого проекта есть субъект, есть цель, есть интересы, есть планы действия.

Отталкиваясь от этой действительности, мы, конечно, чувствуем дырку, вакуум, провал, отсутствие проекта, в рамках которого — то ли в контуре восточнохристианской цивилизационной общности, то ли скорректированной с учетом других качественных признаков общности — некое место положено России. Нужен Россия-проект. Нас не может не волновать вопрос: а что же в этой связи необходимо делать, в

том числе с опорой на анализ, который докладчик абсолютно правомочно нам доложил? Кто субъект этого проекта? Каков его пространственный, политический, цивилизационный ареал? Каков его план, временная глубина, каковы в нем ценности и ресурсы? И каковы у него шансы на фоне Китай-проекта и США-проекта? Эти вопросы остались.

Мне хочется надеяться, что наш семинар в том самом коридоре, в котором мы уверенно идем, в том числе благодаря усилиям докладчика, все-таки получит ответы на эти вопросы.

